

россияне голосовали на выборах 2011-2012 гг. – М.: Изд. и консалтинговая группа "Праксис". 2013. С. 18-99.

2. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левинсон А. Г. Фоторобот российского обывателя // Мир России. 2009. № 2. С. 22-33.

3. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под. ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. – М.: Изд-во «Весь мир», 2011. – 328 с.

4. Мاستикова Н. С. Ценности россиян: что следует из сопоставления статистик международных исследований // Социологический журнал. 2013. № 1. С. 36-46.

5. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. – М.: Изд-во «Весь мир», 2013. – 400 с.

6. Петухов В. В., Бараш Р. Э. Хотят ли россияне демократию и, если хотят, то какую? // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 5. С. 46-58.

7. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М. К., Петухов В. В. – М.: Изд-во «Весь мир», 2015. – 432 с.

8. Россия удивляет: статистика и социология против мифов и вымысла. – М., 2013. – 137 с.

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК: СТРУКТУРА И ГЕНЕЗИС

Скоробогатская Н. А.

Екатеринбург, УрФУ

SOVIETHUMAN: STRUCTURE AND GENESIS

Skorobogatskaia N. A.

Yekaterinburg, Ural Federal University

Аннотация. В статье обосновывается теоретико-методологический потенциал междисциплинарного подхода к реконструкции структуры и генезиса советского человека как феномена микроисторического порядка.

Ключевые слова: советский человек, повседневность, революция как катастрофа, власть, постбытие советского.

Abstract. The article defines theoretical and methodological potential of multidisciplinary approach to the reconstruction of a structure and genesis of a soviethuman as a microhistorical phenomenon.

Keywords: a soviethuman, reality, revolution as a catastrophe, power, post-existence of the Soviet.

Актуальность изучения феномена советского человека определяется тем, что он является одной из форм постбытия советской системы после распада СССР. Для теоретического «опознания» и «ухватывания» подобных явлений, существующих вне породившей их системы и утрачивающих привычные приметы, необходимо изменение методологического подхода и категориального инструментария. Когда речь идет об осознании существа тех изменений, которые переживает наше общество, начиная с перестройки, в качестве предельной объяснительной схемы используется оппозиция «советский/постсоветский». Причем, истолковывается она хронологически: советское – то, что было раньше, настоящее же оказывается временем постсоветского. В соответствии с этой логикой советский человек – феномен прошлого, не имеющий никакого отношения к происходящему сегодня.

На наш взгляд, одной из причин торможения процессов модернизации в российском обществе является то обстоятельство, что советский человек существует актуально, как один из действующих факторов в современной ситуации. Но существует и действует он в «неопознанном» виде. И во многом потому, что и теоретические, и методологические инструменты социологического и философского анализа социальной действительности «настроены» на объекты макроисторического порядка и не схватывают ту предметность, которая располагается на порядок ниже, в области явлений микроистории. К числу последних относится и феномен советского человека.

Исходную гипотезу данной статьи составляет следующее положение: разложение советской цивилизации как целого делает невозможным макроисторический анализ ее составляющих, к числу которых относится и феномен советского человека. Эти элементы сохраняются и существуют сегодня вне какой-либо системы или – если они все-таки существуют в рамках определенной системы – то такой, которая еще не стала предметом теоретического описания и реконструкции. Вследствие этого ведущие «рассеянное», внесистемное существование «обломки» целого недоступны наблюдению и описанию на макроуровне, с помощью категориального аппарата существующих теорий высокого уровня. Необходим переход от макро- к микроистории, к истории и теории повседневности, чтобы, разбирая развалины рухнувшего здания советской цивилизации, определить основные характеристики

культурно-антропологического типа, к которому принадлежит наш соотечественник-современник и решить вопрос, относится ли он к человеку «советскому» или «постсоветскому».

Предлагаемое нами решение опирается на то обстоятельство, что в рамках микроистории наряду с эмпирическим описанием повседневности как области «быта» возможен также междисциплинарный подход. Он позволяет использовать в изучении повседневности категориальный инструментарий и методологический потенциал общественных наук – истории, культурологии, социологии, философии, политологии, психологии и других дисциплин. Социология, история и философия повседневности – сравнительно новые направления в отечественном общественном знании, уже накопившие определенный опыт в данном направлении. На этой основе можно провести концептуальную реконструкцию человеческой повседневности и ограничить пестроту суждений и оценок, неизбежную при ее бытописании.

С нашей точки зрения, советский человек – это культурно-антропологический тип, возникающий в ходе в исторической и цивилизационной катастрофы и представляющий собой способ выживания массового человека в этих исключительных условиях. Необходимое условие такого образа – изменения в ментальности, перестройка той исторической картины мира, которая стала продуктом идеологического процесса, начавшегося в 1930-е гг., после того как на XVI съезде ВКП(б) была поставлена в качестве первоочередной задача развернутого наступления марксизма на фронте идеологии [1, с. 13]. Речь идет о необходимости парадигматического (метаметодологического) сдвига, о радикальной переоценке базового для советского мира мифа о всемирном значении Октябрьской революции, которая будто бы открыла новую эру в истории человечества. То, что на уровне макроистории может выглядеть как смена государственного и общественного строя или даже как переход от одной формации к другой, более прогрессивной, на уровне микроистории (человеческой повседневности) выступает как катастрофа [2, с. 19]. Катастрофа – это момент перелома в существовании социальной системы. Он предполагает радикальное изменение ее структуры и функций и включает в себе два измерения. Первое – объективное (вещное): разрушение города как среды обитания и цивилизованного уклада жизни, материальной культуры, социального и хозяйственного управления

и правопорядка. В целом материальная сторона повседневного быта (а это – его ведущая сторона) деградировала до уровня физического выживания, характерного для эпохи палеолита (и это не метафора). Второе – субъективное (поведенческое), фиксирующее кардинальные и (может быть) необратимые изменения в человеческом поведении. Речь идет о массовом использовании стратегии выживания в экстремальных условиях любой ценой, с широким, ничем не ограниченным использованием криминальных и аморальных техник, не только на войне, но и в быту. Выживание здесь имеет характер, сходный с биологическим приспособлением как отдельного организма, так и популяции в силу критически-обвального изменения базовых условий существования. Особое значение быта в условиях исторической и цивилизационной катастрофы, постигшей советское общество периода его становления, помимо того, что это сфера социального и биологического воспроизводства жизни человека, заключается еще и в том, что он стал преимущественной сферой реализации человеческих устремлений, от повседневных интересов до высоких страстей [3, с. 233]. В силу этого сфера быта оказалась по сути единственной площадкой, на которой человек мог искать общественного (неофициального) признания и самоутверждения. Она была насыщена почти шекспировским драматизмом, с каким решались даже незначительные вопросы.

Альтернативой мифу об Октябре 1917 г. как прологе к освобождению человечества является взгляд на него как на русскую версию восстания масс – явления, общего для европейского мира эпохи индустриализации. Данное предположение позволяет поставить на научную почву дискуссию о соотношении национального и всемирного в русской революции. Оно же выступает в качестве одного из теоретико-методологических ключей к проблеме советского человека. В рамках этого события, «восстания масс», типическая для него структура – «вожди» и «массы» – трансформировалась в составе нового культурно-антропологического типа в оппозицию «идеолог» – «маленький человек», которая стала матрицей для массового производства советского человека. Иными словами, ведущими, то есть базовыми и одновременно динамическими элементами в структуре советского человека стали: 1) «идеолог» (*homo ideologicus*) и 2) «маленький человек». Этот последний (как функциональный аналог «человека массы») оказался тем препятствием, о которое разбились горделивые замыслы

революционных вождей. «Маленький человек» стал детерминантой, предопределившей горизонты возможного в осуществлении социалистического проекта и его судьбу в целом [4, с. 27]. В этом отношении М. М. Зощенко, ведущий бытописатель послереволюционной эпохи, оказался намного проницательней официальных идеологов того времени, указав на границу утопического конструирования – элементарную природу человека, очерченную кругом базовых потребностей: есть, пить, одеваться, иметь крышу над головой, и не поддающуюся идеологической переделке. И потому не случайно он в 1946 г. вместе с Ахматовой стал фигурантом известного постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград».

Советский человек как тип сложился из этих двух элементов, являя собой функциональное единство идеологии и стратегии выживания. Основу этого единства составляло стремление к власти как сверхценности советской цивилизации [5, с. 260]. Надо отметить, что власть стала соблазном не только для «идеолога», но и для «маленького человека». И этим «маленький человек» эпохи восстания масс принципиально отличается от «маленького человека», созданного русской классической литературой. Говоря о власти, мы имеем в виду потестарность, власть в ее первозданном виде, архаическом и кровавом, когда она выступает в виде права распоряжаться жизнью и смертью других [6, с. 285]. Власть и доступ к ней – такова динамическая основа существования и эволюции советского человека как культурно-антропологического типа. Большевики не смогли создать эффективного (веберовского) государства, которое утвердило бы и обеспечило собственную монополию на легальное насилие, очищая тем самым общественную атмосферу от проявлений зла. Наряду с государством существовали другие структуры, использовавшие властный ресурс насилия – чрезвычайные органы, партийные организации, преступный мир. Особый мир составлял ГУЛАГ, как и вся пенитенциарная система в целом. Кроме того, власть как социальная сила существовала и в рассеянном, диффузном состоянии, находя свои стихийные проявления в массовидных актах спонтанного насилия в гражданских, семейных, личных отношениях.

Жестокость повседневной жизни, реальных взаимоотношений людей отчасти напоминала гоббсовскую «войну всех против всех». Неслучайным рецидивом 1920-1930-х гг. стали 90-е г.г., когда «раскручивался» очередной виток

деформации государственности и деинституционализации публичной и частной жизни. Советский человек как тип складывался и жил в условиях архаической, первобытной власти, которая не поддавалась «укрощению» средствами социальной техники ввиду слабости новых институтов, в условиях повсеместного уничтожения или серьезного повреждения базовых институтов цивилизации (государство, социальная структура, семья, собственность, право, религия) и культурных ценностей.

Возникнув в результате «антропологической революции» как составной части процесса становления тоталитарного общества, советский человек становится носителем исторического «гена» («вируса») сталинизма-тоталитаризма, который в видоизменившейся, внесистемной форме латентно существует в различных структурах, от армии и правоохранительных органов до Академии наук и школьного образования. Не случайно все это – области, которые не поддаются реформированию и модернизации. Проводимые реформы порождают лишь их дисфункции и прогрессирующий развал, но не приводят к повышению эффективности и социальной полезности деятельности этих структур. Это не частные случаи неудач реформ в России, но указание на границу, на которую наталкиваются усилия реформаторов – массовидное постбытие сталинизма в различных сферах общества: повседневность, экономика, государственное управление, политика, социальные отношения и взаимодействия индивидов и групп. Это системный эффект социальных взаимодействий между индивидами и группами. Каждый из акторов взаимодействий потенциально есть единичное (индивид) или коллективное (социальная группа), но всегда точечное и ситуативное воплощение феномена советского человека.

Функциональное назначение данных взаимодействий – обеспечить воспроизводство феномена советского человека в среде существования, меняющейся под воздействием не только внутренних, но и внешних факторов. Эта среда становится более открытой, динамичной, а социальная динамика характеризуется ростом неопределенности и снижением уровня повторяемости и предсказуемости. Советский человек остается носителем, структурно-функциональным «атомом» распавшейся системы, историческое время которой отнюдь не истекло. Именно это обстоятельство и делает актуальным исследование как феномена советского человека, так и самой «советскости», исследование форм

их постбытия и эволюции в меняющихся условиях на микроисторическом уровне и возможностей регенерации на уровне макроистории.

Список литературы

1. Подволоцкий И. XVI съезд ВКП(б) и задачи на философском фронте // Под знаменем марксизма. 1930. № 7-8.
2. Нарский И. С. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 632 с.
3. Синявский А. Д. Основы советской цивилизации. – М.: Аграф, 2001. – 464 с.
4. Революция и человек: социально-психологический аспект: Материалы конференции, 28–30 ноября 1994 г. / Отв. ред. П. В. Волобуев. – М.: Изд. центр ИРИ, 1996. – 223 с.
5. Скоробогатский В. В. По ту сторону марксизма. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. – 272 с.
6. Канетти Э. Масса и власть. М.: Астрель, 2012. – 574 с.

ЧЕЛОВЕК И ЭТИКА В МИРЕ АБСУРДА

Скоробогатский В. В.

Екатеринбург, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
A MAN AND ETHIC IN THE WORLD OF THE ABSURD

Skorobogatskii V. V.

Yekaterinburg, Ural Institute of Administration – branch of RANEPА

Аннотация. В статье обосновывается положение о том, что предварительным условием исследования этической проблематики в советском и российском обществе является коренная трансформация методологии социального познания.

Ключевые слова: этика, советское, методология социального познания, мир абсурда, виртуальное существование.

Abstract. The article defines the concept, that fundamental transformation of methodology of social knowledge is a preliminary condition of research of ethical problem of Soviet and Russian society.

Keywords: ethic, the Soviet, methodology of social knowledge, world of the absurd, virtual existence.